

УДК 800

Т.В. Морозова

Севастопольский национальный технический университет

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

МЕТОДОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ Э. СЕЙДА

Рассматривается методология литературоведческих исследований Э. Сейда, акцентируется внимание на разных аспектах литературного творчества.

В 1976 году в Калифорнийском университете была проведена первая сессия «Школы литературной критики и теории». Именно этот год можно считать годом её рождения. В это же время был создан Совет школы, который возглавили М. Кригер и профессор Вашингтонского университета Х. Адамс. И хотя в Совет, кроме М. Кригера, входил ещё только один представитель ирваинского кампуса – Э. Сейд, за школой закрепилось название «Калифорнийская». Кроме названных руководителей, в её состав входили такие весьма известные литературоведы, как Х. Уайт (Вислеянский университет), Р. Жирар (университет Джона Хопкинса), Р. Фридман (Принстонский университет).

Вполне очевидно, что всех этих специалистов объединяло не место жительства, а общность исследовательских позиций и взглядов на художественное творчество. И хотя с самого начала литературоведы аттестовали свою группу как «школу», это вовсе не означало, что при всей общности их методологии они были во всём абсолютно похожи. Каждый талантливый литературовед, несмотря на принадлежность к той или другой школе, непременно обладает и собственной творческой индивидуальностью. И это подтверждается не только примером Калифорнийской группы, но и дея-

тельностью «новых критиков», йельской, чикагской и рядом других литературоведческих школ. Так, даже на первый взгляд такие близкие по своим убеждениям и методологии «новые критики», как Дж. Ренсом, А. Тейт, К. Брукс и др. – акцентируют внимание на разных аспектах литературного творчества, например, первые двое почти не замечают поэтических «парадоксов», на которых основывает свои концепции третий из упомянутых критиков. То же самое можно сказать и о весьма сплоченной йельской группе, наиболее ярко представляющей в США постструктурализм и деконструктивизм. Поль де Ман, в частности, более ортодоксально следует за своим учителем французом Ж. Деррида, чем его коллеги Дж. Хартмен или Г. Блум. И даже Чикагская школа, которой и в научном и в административном плане руководит Р. Крейн, декан факультета, состоит из ярких индивидуальностей.

Что является общим для всех калифорнийских литературоведов, так это их неприятие идей и методологии структурализма. Структуралисты, постструктуралисты и, в целом, все «галльские рационалисты», как их аттестуют калифорнийцы, разработали, по мнению последних, теориимонстры, не столько объясняющие художественную литературу, сколько разрушающие её. Эти «континентальные» (ещё одно определение французского структурализма) концепции отпугивают своим бездушием и абстрактностью приверженцев литературоведческой традиции, «практических» англо-американских критиков, которые начинают бояться вообще любых теорий. Как пишет в этой связи один из калифорнийских литературоведов Л.С. Дембо: «Само появление на американской сцене французского структурализма, с его пристрастиями к технологии и философской абстракции, усилило, к сожалению, тот ужас, который испытывают теперь практические критики по отношению к любому теоретизированию» [1]. Сожаление по этому поводу понятно – калифорнийская школа тяготеет к разработке теории литературы, на что указано в её названии. Однако литературоведческие теории, считают калифорнийцы, не должны быть слишком абстрактными и механистическими.

Отмеченная умеренность критических выпадов против литературного теоретизирования особенно заметна на фоне той тотальной войны, которую объявили многие литературоведы теоретикам. Например, профессор Лондонского университета М. Бови в книге «Фрейд, Пуст и Лакан: теория как фантазирование» (1987) ополчился против любых литературных теорий в целом. И в частности, против фрейдистских концепций творчества. Одной из форм преодоления жесткости теоретических схем М. Бови считает определение их в качестве фантазий (fictions). Таким образом, не теории становятся ключом к проблемам художественного творчества, а, наоборот, специфика последнего, выражающаяся, в частности, в использовании элемен-

тов фантазии, «внедряется» в теории. З. Фрейд, например, говорит М. Бови, в своих, казалось бы, строгих научных построениях выражал не более чем собственные фантазии, детерминированные его индивидуальным бессознательным. Да и не только З. Фрейд. М. Бови полагает, что не только писателям и художникам, но и ученым, теоретикам присущ субъективизм, связанный с их влечениями, нередко бессознательными. Поэтому, пишет литературовед, «Я буду говорить о теориях и о влечениях, о теориях влечений и о влечениях теоретиков, о теориях, которые являются произведениями литературы и о произведениях литературы, в частности, о романе М. Пруста “В поисках утраченного времени”, рассматривающем страдания и радости теоретизирующего интеллекта» [2, с. 2]. В этой связи можно вспомнить тот известный факт, что уже учитель Ж. Сент-Бёва философ Дамирон убеждал своего ученика в том, что особенности той или другой философской системы детерминируются особенностями психологии, личными качествами её создателя.

Как было сказано выше, калифорнийцы не склонны, подобно М. Бови, к тотальному отрицанию ценности теорий, хотя считают, что теоретикам литературы не следует стремиться к абстракциям и отрываться от исследуемого «эмпирического» материала – художественного творчества. По этому поводу М. Кригер пишет следующее: «Литературная теория, нравится это нам или нет, должна восприниматься как нечто неизбежное... Она проявляет себя на всех уровнях читательского восприятия. Она не исчезнет от того, что мы будем её игнорировать» [3]. И тут же он пытается объяснить двойственность своей позиции по отношению к литературоведческим теориям: «Будучи одним из тех, кто подчеркивает важность использования теории на филологических факультетах, я нахожу парадоксальным то, что в данном случае я озабочен чрезмерным теоретизированием из страха, что в его нынешних формах (имея в виду прежде всего структурализм) оно уведет нас от осознания уникальной силы художественного творчества как искусства, являющегося центром гуманистики» [4, с. 35].

Более последовательным критиком «галльского рационализма» проявил себя второй (после М. Кригера) теоретик калифорнийской школы – Э. Сейд. Непримируемость позиций Э. Сейда по отношению к структурализму и постструктурализму с особой силой проявляется в статье «Дороги, которые выбирает и отвергает современная критика», помещенной в упомянутый сборник «Направления в критике».

Э. Сейд почти диаметрально противопоставляет «англо-саксонскую» критику, которая ассоциируется с моральной проблематикой, оценочными подходами с «умеренным вниманием» к стилю, абстрактной европейской критике, характеризующейся тягой к «псевдофилософии и слишком абстрактным обобщениям».

Нельзя сказать, что Э. Сейд большой традиционалист, что он за «не-теоретическую» критику, но все же последней он симпатизирует. А вот критику, ключевыми словами которой являются «структура», «семиология» и подобные им, Э. Сейд не приемлет, отвергая «продолжающуюся интервенцию французских методологий в американский критический дискурс». Причем эта «французская интервенция», по мысли Э. Сейда, положила начало бурному проникновению в американское литературоведение других чужеродных методологий из Швейцарии (влияние «Женевской школы»), Италии (У. Эко). Э. Сейд не склонен считать, что этот усиливающийся «космополитизм» литературоведения США способствует его прогрессу. Скорее наоборот, – он сожалеет, что старое, доброе «англо-саксонское» литературоведение, его традиции разрушаются под напором различного рода формальных и структуралистских подходов. Это разрушение выражается прежде всего в утрате интереса к «национальным аспектам литературы», к её периодизации, равно как и к жанрам и личности автора. И вместо всего этого литературоведы-модернисты интересуются исключительно функционированием текста. Структуралисты и постструктуралисты (Барт, Тодорьяв, Кристева и др.) выработали «интернациональный критический вокабуляр», помогающий игнорировать национальную специфику художественного творчества. Развитие свободной исследовательской мысли блокируется установлением незыблемых канонов и канонических авторитетов, таких как З. Фрейд, Р. Барт или Ж. Деррида. Упоминание имени литературоведческого авторитета заменяет самостоятельный анализ. «Функционалистская», как её называет Э. Сейд, критика оттолкнула от себя рядового читателя журналистских статей, перегруженных в настоящее время изощренным понятийным и терминологическим аппаратом. Этот аппарат не только труден для восприятия, но он «противоестественен», ибо фактически убивает своими абстракциями живую ткань литературы.

Структурно-семиотические методы, считает Э. Сейд, хлынули в Америку не только из романских и славянских стран, но имеют и «англо-саксонский» источник. Имеются в виду теории А. Ричардса. Э. Сейд обвиняет последнего в чрезмерном «сайентизме», в пристрастии к «техническим» и формальным аспектам текста.

Отметим сразу, что утверждение Э. Сейда о близости А. Ричардса к структуралистам не всегда верно. Во-первых, поздний А. Ричардс в значительной степени отошел от своих ранних, действительно «сайентистских» увлечений (о чем свидетельствует его последняя книга «Позади», 1965). Во-вторых, А. Ричардс активно исследовал психологические аспекты творчества, к которым глухи как французские структуралисты, так и американские «новые критики».

Э. Сейд решительно не согласен с «функционалистами», не видящими ничего, кроме «формальных аспектов текста», представляющим его в виде «самодостаточного артефакта». Этому «статическому» подходу к тексту литературовед противопоставляет «динамическое» его понимание. Для него художественный текст является «скорее динамическим полем, чем статическим блоком слов» и включает в себя множество реальных и потенциальных ассоциаций и связей – с автором, с читателем, с исторической ситуацией, с другими текстами, с прошлым и настоящим» [4, с. 53] Текст, подчеркивает Э. Сейд, в определенном смысле никогда не бывает полностью законченным и «автономным», как считают «функционалисты». Он дополняется и «расширяется» каждым новым читателем, вносящим, в него свой жизненный опыт и свой культурный «код».

Если «новые критики» и структуралисты полностью игнорировали проблемы генезиса художественного произведения, то Э. Сейд придаёт ему первостепенное значение. Мы должны знать, говорит он, как текст возник. И при этом ни одна деталь не представляется ненужной или тривиальной. Только критик «репродуцирующий» и реконструирующий весь процесс рождения текста может рассчитывать на его адекватное понимание. Примечательно, что, говоря о генезе произведения, Э. Сейд имеет в виду не только сознание, психологию или биографию автора, представляющих первостепенный интерес соответственно для феноменологической психоаналитической и биографической школ в литературоведении, но и «этноцентрические» его основы. А это свидетельствует о принципиальной ориентации Э. Сейда на культурно-исторические аспекты литературы. Этим самым калифорнийский исследователь демонстрирует широту своего критического диапазона, преодолевая не только явно ограниченную методологию «функционалистов», но и заикленность представителей двух школ на сознании автора и читателя или на их психологии. Однако обращает на себя внимание то, что, уделяя первостепенное внимание критике формализма в литературоведении, собственные методологические позиции Э. Сейд лишь контурно обозначает и детально их не представляет.

Проблемы современного литературоведения, критической методологии являются центральными в солидном исследовании Э. Сейда – «Мир, текст и критик» (1983). Прежде всего исследователь даёт определение современным видам критики. Их, по мнению Э. Сейда, четыре. Первый – это непритязательная «практическая» критика, представляющая собой различные ревью и чаще всего встречающаяся в журналах и газетах. Второй вид – академическая критика, с её интересом к литературной истории. Её продуцируют учёные-филологи и историки культуры. К третьему виду Э. Сейд относит также «в принципе академическую» критику, но в её интерпретационном и оценочном проявлениях. Её представители преимуще-

ственно университетские профессора, а «потребители» – широкие круги студентов и читателей. Эта критика научает, «как следует читать литературные произведения», и воспринимать их в качестве уникальных художественных явлений.

Четвёртый вид критики Э. Сейд определяет как нечто «относительное новое». Он имеет в виду теорию литературы. Если первые три разновидности литературоведения являются весьма традиционными, то четвёртый, по мнению исследователя, возник лишь в XX столетии. А рождение собственно американской литературной теории Э. Сейд относит даже к 70-м годам столетия. И связывает её генезис с влиянием зародившихся значительно ранее (в начале XX века) европейских теорий.

Едва ли можно полностью согласиться с Э. Сейдом. Дело в том, что уже Э. По проявил себя вполне зрелым и оригинальным теоретиком поэзии. Кроме того, хотя «новая критика» явно относится к третьему виду её представители в основном университетские профессора, обучающие пониманию художественного творчества (достаточно вспомнить учебные пособия К. Брукса – «Понимание поэзии», 1938, «Понимание прозы», 1943), тем не менее в её контексте разрабатывались солидные и так же оригинальные теории.

Нельзя не согласиться с Э. Сейдом в другом. Действительно, во второй половине XX века американское литературоведение во многом стало жертвой экспансии европейской литературной мысли и исследовательских методологий, преимущественно текстоцентрических. Однако подобное влияние отмечалось уже и в 20-е годы, когда психоанализ буквально захлестнул литературную Америку.

Начиная с 70-х годов 20-го столетия, считает Э. Сейд, литературная теория была полностью закабалена различными текстоцентрическими теориями. Культ текстуальности приобрел даже некий мистический характер. Служители этого «культа» начисто отрывают литературу от всех её традиционных связей. «Литературная теория, – пишет по этому поводу калифорнийский специалист – стала изолировать себя не только от явлений и обстоятельств, но даже от чувств и эмоций» [5, с. 4]

Э. Сейд категорически против этого культа текстуальности, против того, чтобы даже реальным жизненным событиям «делать исключительно текстуальными». Текст, считает Э. Сейд в отличие от формалистов, вовсе не является чем-то абсолютно автономным и самодостаточным. Он отражает жизнь (а не творит собственную, текстуальную «реальность») и является частью «социального мира и той исторической эпохи, в которую он создаётся или интерпретируется» [5, с. 15].

Обращает на себя внимание, что осуждая тектоцентристов Э. Сейд имеет в виду не только их исследовательскую методологию, но и, шире, –

их культурно-общественное влияние. А это влияние он оценивает как дегуманизирующее. Своей борьбой с проявлением групповых интересов в общественной жизни литературе и культуре Э. Сейд напоминает М. Арнольда, боровшегося, подобно Л.Н. Толстому, против узкогрупповых или узкоклассовых проявлений в культуре. Так, в своей весьма известной статье «Культура и анархия» М. Арнольд писал: «Великими деятелями культуры являются те, кто несет высшие образцы знания и передовые идеи в различные социальные слои, кто гуманизирует и исправляет все грубости и несправедливости жизни и делает это не только внутри, но и вне класса (clique) образованных и просвещенных» [6, с. 70]

Критика «клики» текстологов у Э. Сейда ещё более социально заострена. Близость позиций этих двух литературоведов вполне очевидна. Очевидно и то, что Э. Сейд осуждал модернистские литературоведческие методологии, придерживается, в пику им, традиционного взгляда на творчество, идущего ещё от Аристотеля. Опирается он и на современных исследователей, которые близки ему по духу. В частности, на работы Ауэрбаха, автора известной книги «Мимесис» (1946). Уже само её название говорит об аристотельских позициях автора.

Э. Сейду не нравится то, что современная критика становится всё более «учёной» и занимается вопросами, которые «далеки от интересов рядовых читателей ежедневных газет» [6, с. 25]. Он предлагает приблизить критику к жизни. Критика должна быть «светской», «житейской» (secular), предназначенной для всего общества, а не только для высоколобых «сектантов» (имеются в виду читатели, осилившие сложный понятийный и терминологический аппарат модернистских литературоведческих систем). Понятие «житейская» критика аналогично более широко принятому в англоязычной науке о литературе понятию «практическая». Но первое в большей степени подчеркивает «внелитературную», социальную ориентацию литературоведения. «Ученая» критика предпочитает громоздкие по форме и содержанию исследования. Э. Сейд же считает, что критик должен писать преимущественно короткие статьи, а не объёмные книги и замечает, что сам он стремиться следовать этому принципу. Даже его анализируемая книга представляет собой сборник статей. Этим своим пристрастием к «малым» формам литературоведения Э. Сейд напоминает Э. По и Т. Элиота, никогда не писавших объёмных критических работ. Калифорнийский литературовед, не боясь обвинения в старомодности, сам признаётся в «своих разумных симпатиях» по отношению к «консервативным подходам», хотя и подчеркивает, что он готов воспринимать всё полезное и у критиков-модернистов.

Идейные и методологические позиции Э. Сейда во многом определяются его заметной марксистской ориентацией. Эта ориентация в различной

степени и виде присуща многим современным литературоведам. Чаще всего они опираются не прямо на Маркса, а на его современных леворадикальных последователей. Самым активным образом, в частности, используется марксизм и его варианты литературоведами-феминистками. И это особенно заметно именно в Америке, ибо европейские, прежде всего французские феминистки, предпочитают фрейдистско-лакановскую ориентацию.

Симпатизируя учению Маркса, Э. Сейд вместе с тем самым решительным образом протестует против его догматического использования. Особенно в критике и литературоведении. Он вообще хотел бы вывести критику из-под влияния любых теорий догм или ограничивающих свободу мысли «школ». Если литературная критика, – пишет он в этой связи, – не сводима к какой бы то ни было доктрине или к политической роли, и если она осознает свое место в мире, то только в этом случае она достигает высот самоидентификации и осознание своего отличия от других форм культуры и от других методологических и идеологических систем [7, с. 29]

Э. Сейд отмечает, что в Америке, в отличие от Европы, марксизм приобрел не столько политический, сколько «культурный статус». Калифорнийский литературовед не преувеличивает, подобно некоторым американским критикам первой половины XX века, исследовательские возможности марксистской методологии, не ставит её выше других. Как любой другой подход к литературе, марксистский метод нуждается, по мысли Э. Сейда, в «демистификации и декодировании». Он, таким образом, не считает, что в методическом отношении марксистский подход совершен. Единственное его превосходство состоит в том, что критики-марксисты решительнее других выступают против «любых форм тирании, эксплуатации, угнетения, и их целью является использование науки в интересах свободы человека» [7, с. 29].

На основе вышеизложенного едва ли можно определить Э. Сейда в качестве критики марксиста, хотя его интерес к учению Маркса и его последователей весьма значителен.

Значительно ближе он к методологии и эстетическим теориям рецептивных критиков. Текст для него важен не сам по себе, как для формалистов, а как место, где «возникает непосредственный контакт между автором и читателями», хотя будучи размноженным текст действительно «выходит из-под контроля автора» [7, с. 33], и в этом Э. Сейд согласен с новыми критиками, утверждающими, что тексты живут собственной жизнью. Правда, эту «собственную жизнь» Э. Сейд не делает абсолютно автономной. У «новых критиков» текст живет ради самого себя, у Э. Сейда – выполняет определенные функции, в частности, коммуникативные во «внешнем» мире. И эти функции текста, считает калифорнийский учёный, критик не имеет права не учитывать.

Что для Э.Сейда совершенно неприемлемо, так это деконструктивистская идея о многоликости текста и том, что любое из его «прочтений» является ошибочным. Нет, утверждает литературовед, текст имеет-таки твердое значение, которое и должен искать и анализировать критик. И хотя, как отмечалось выше, Э. Сейд во многом ориентирован на марксистскую исследовательскую методологию, он далёк от вульгарного социологизма. И в этом ему помогает его интерес к рецептивной критике. Он не наполняет текст только социальным значением. Более того, говоря о «твёрдом» значении текста, он всё же допускает, что оно может вноситься в него читателем или критиком. «Читатель, – пишет по этому поводу Э. Сейд, – является полноправным участником в процессе создания значения текста» [7, с. 41]

Таким образом, значение может варьироваться в зависимости от культурного уровня и социальной ориентации читателя, однако оно всегда остаётся достаточно твёрдым и лишённым той абсурдности, о которой постоянно говорят деконструктивисты.

В определенной мере марксизм, но в ещё большей степени идеи Ф.-Ницше повлияли на понимание Э. Сейдом отношения текстов как чего-то в высшей степени иерархического. Сначала в истории литературы доминировали священные писания. На эту особую роль Библии или Корана действительно указывал Н. Фрай как в своей известной «Анатомии критики», так и в других работах. Н. Фрай, правда, не определял это влияние как угнетение и подавление, подобно Э. Сейду. Для первого Библия была лишь поставщиком архетипов и «формул» всей литературы христианского мира. У последнего же она приобретает статус некой ницшеанской сверхкниги, скорее угнетающей мирское писание, светскую литературу, чем стимулирующей её развитие. В настоящее же время, по мысли Э. Сейда, «божественная власть Библии заменена текстуальной властью филолога или критика» [7, с. 47], имеется в виду тот диктат текста, о котором пишут различного рода формалисты.

Не соглашаясь полностью с утверждением французского «лингвистического философа» П. Рикёра, утверждавшего, что «речь, представляет собой не просто вербализацию конфликтов и систем угнетения, но является самым объектом человеческих конфликтов», Э. Сейд тем не менее считает, что «дискурсивная ситуация речь, чаще всего напоминает неравенство отношений, существующих между угнетателем и угнетённым» [7, с. 50]

Понимая тексты как «вербальные реальности», Э. Сейд относит к последним и тексты критические. Критика, считает он, должна не просто интерпретировать художественные произведения, но и «внедрять в художественное творчество те современные жизненные процессы и явления, которые и придают важность искусству и литературе» [7, с. 53]. Этим самым Э. Сейд лишний раз указывает на связь творчества с жизнью и подчеркива-

ет особую роль критики не только в интерпретации, но и в создании художественных произведений, в придании им важного эстетического и общественного звучания.

В рассматриваемой книге Э. Сейд весьма подробно анализирует философские и методологические основы теории Ж. Деррида как крупнейшего и влиятельнейшего представителя современного литературоведческого модернизма. Придерживаясь в большинстве случаев противоположных взглядов, калифорнийский специалист, тем не менее весьма терпимо относится к своему оппоненту. Это особенно обращает на себя внимание в связи с тем, что, как отмечалось, Э. Сейд близок к марксистским позициям в критике, а марксисты всегда отличались непримиримостью ко всякого рода «буржуазным» литературоведам. Э. Сейд ни разу не употребляет слова «буржуазный» по отношению к Ж. Деррида и вообще относится к нему с уважением, хотя чаще всего отрицательно оценивает его литературоведческую позицию. Он не приемлет, в частности, основополагающую мысль Ж. Деррида о том, что текст живёт своей собственной жизнью. И жизнь эта весьма абсурдна, ибо в текстах никогда нет твёрдого значения. Каждый читатель вносит в текст свой смысл.

О том, что художественный текст живёт собственной жизнью, писали и «новые критики», но они считали, что текст обладает твёрдым значением, вносимым в него автором. И кроме того, речь у них шла именно о художественных текстах, Ж. Деррида же склонен говорить о текстах вообще.

Хотя экстравагантные идеи Ж. Деррида и его последователей воспринимаются как революционные, разрушающие традиционные, идущие от Аристотеля «логоцентрические» теории творчества. Тем не менее, Э. Сейд опасается, что они постепенно превратятся в очередную литературоведческую догму. «Есть опасность, — пишет в этой связи Э. Сейд, — что, несмотря на свою ревизионистскую направленность, идеи деконструктивистов могут превратиться в литературоведческую ортодоксию, в застывшую систему мышления, замкнуться на своих внутренних проблемах и будут глухи к любым другим идеям и веяниям» [7, с. 208].

Что касается самого Э. Сейда, то он, как уже было частично отмечено, не стремится замкнуть себя в своих концепциях, сделать их жесткими и непроницаемыми. Он с интересом и уважением рассматривает и теории своих оппонентов. Этим он напоминает своего товарища по калифорнийской школе — М. Кригера, стремившегося абсорбировать всё то лучшее, что можно найти в других исследовательских методологиях.

В споре с Ж. Деррида и близкими к нему литературоведами-модернистами Э. Сейд отстаивает свой основной тезис, гласящий, что «критика не должна замыкаться на тексте, даже если это и гениальный художественный текст» [7, с. 725]. Свою задачу он видит в том, чтобы «наполнить критиче-

ский дискурс чем-то более солидным по сравнению с созерцательными или чисто оценочными подходами текстологов» [7, с. 224]. И это «солидное» калифорнийский исследователь связывает с широким спектром культурной и политической деятельности человека, в том числе писателя и критика. Последний должен нести свет знаний широкому читателю, а не служить той или другой узкой школе единомышленников, напоминающей скорее секту своей оторванностью от реальной жизни. Очевидно, что такое понимание целей и задач литературной критики выгодно отличает Э. Сейда от подавляющего большинства современных западных литературоведов, зафиксированных исключительно на внутренней «жизни» текста или текстов.

Определяя свой идеал критика или критики, Э. Сейд вместе с тем отмечает, что он едва ли достижим в современном литературоведении. Вслед за Дж. Хартменом, автором книги с символическим названием «Разброд в критике» (1980), Э.Сейд указывает на крайнюю «нестабильность» и «текучесть» критических идей и методологий.

Библиографический список

1. Dembo S.L. Prefatory Notes / S.L. Dembo // Directions for Criticism: Structuralism and Its alternatives. — Madison, 1977. — P. 168.
2. Bovie M. Freud, Proust and Lacan: Theory as Fiction./ M. Bovie. — Cambridge; London; New York, 1987. — P. 2.
3. Krieger M. Theory of Criticism: A Tradition and Its System / M. Krieger. — Baltimore: Baltimore Press, 1976. — 250 p.
4. Said E. Roads Taken and not Taken in Contemporary Criticism / E. Said // Directions for criticism: Structuralism and Its Alternatives. — Madison, 1977. — P. 35–53.
5. Said E.W. The World, the Text, and the Critic/ E.W. Said. — Cambridge, 1983. — P. 4–15.
6. Arnold M. Culture and Anarchy / M. Arnold. — Cambridge: Random House, 1969. — 222 p.
7. Ильин И.П. Постструктурализм: от истоков до конца столетия / И.П. Ильин. — М., 1998. — С. 29–72.

Поступила в редакцию 01.09.2003 г.